

A detailed illustration of a young girl with voluminous, curly brown hair and striking green eyes. She has a serious expression and is holding a paintbrush with a dark red tip near her right eye. She is wearing a dark green dress with a white lace collar. The background is a lush, vibrant garden filled with large, stylized red flowers, possibly lilies or tulips, with green foliage and a teal background. In the top left corner, there is a white rectangular box with a light blue border containing the text '18+'.

18+

О ЦВЕТАХ, ЗАПРЕТАХ И ЗАПЕРТЫХ ДВЕРЯХ

ВИКТОРИЯ ГУСЕВА

Виктория Гусева

**О цветах, запретах
и запертых дверях**

«Издательские решения»

Гусева В.

О цветах, запретах и запертых дверях / В. Гусева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-647982-1

Марина — простая женщина, проживающая самую обычную жизнь. У нее есть муж, дети, работа и квартира, взятая в ипотеку. Жизнь женщины меняется в один день, когда она заходит в странную кофейню. Череду загадочных событий открывает не только старые семейные тайны, но и двери к давно забытым мечтам. Марина понимает, что наполнила свое существование запретами и ограничениями, которые сковали её, и пытается разрушить замкнутый круг. Но удастся ли Марине снова обрести себя?

ISBN 978-5-00-647982-1

© Гусева В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	14
Глава 3.	23
Глава 4.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

О цветах, запретах и запертых дверях

Виктория Гусева

*Эта книга посвящается моей дорогой бабушке, Татьяне Евгеньевне
Гусевой, сильной женщине, вечной художнице, великой актрисе.
Светлая память.*

Екатерина Шеремет *Корректор*

Евгения Яковицкая *Иллюстратор*

© Виктория Гусева, 2024

© Евгения Яковицкая, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-7982-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Дама с шампанским

Дождь тихо стучал по стеклу. Прошло три недели с тех пор, как мрачное осеннее небо расплзлось и зависло над городом. Каждый раз в эту пору года я остро чувствовала приближение пресловутой осенней депрессии. Но сейчас что-то изменилось. Я смотрела в окно с трепетным ожиданием чего-то важного, неотвратимое наступление которого ощущалось каждой клеточкой тела.

На окнах висели обычные белые рольшторы. «Надо было серые взять, – подумала я в очередной раз, взглянув на них, – хоть не такие маркие были бы». На моей кухне все было самым обычным и непременно с клеймом практичности – неяркое, удобное и серенькое. Как и вся моя жизнь. Эти проклятые белые рольшторы как-то случайно ворвались в мою обыденность и были, пожалуй, единственной спонтанной покупкой за последние десять лет. Конечно, дети заляпали их своими ручонками, когда были совсем маленькими. Поэтому шторы уже и не совсем белые, несмотря на мои бесконечные попытки отмыть их.

– Марина, солнце, подбрось пивка! – заорал из зала Гриша.

Еще пару секунд я рассматривала шторы, потом встала из-за стола и направилась к холодильнику в поисках пива. Огромный двустворчатый и такой практичный черный холодильник выбрал муж. По моим предположениям, покупался он именно под бесконечные запасы пива. Гриша любит пиво, как мне иногда кажется, даже больше меня и детей. По крайней мере, фразу «Марина, пиво!» я слышу точно чаще, чем «я тебя люблю».

Нет, вы не подумайте, у нас нормальная семья. Гриша много работает, приходит поздно, сильно устает за день. Во всяком случае, он так говорит. Что ж странного в том, что ему хочется весь вечер просто лежать и смотреть футбол с банкой пива? Это я так успокаиваю себя, когда приходят тревожные мысли о том, что кто-то наверняка живет иначе. «Мы обычная, нормальная семья!» – уверенно сказала я себе в очередной раз.

В холодильнике две полки были заставлены пивными банками всевозможных импортных марок. Гриша не сильно экономит на любимом напитке.

– Если уж пьешь, так пей что-то приличное! – заявил он однажды и перешел с недорогого отечественного пива на элитные немецкие сорта.

Я взяла первую попавшуюся банку и пошла с ней в зал. Муж лежал на диване и смотрел футбол, как делал каждый день на протяжении последних лет четырех.

– Блин, Мариша, там что, другого нет?! – почему-то возмутился моим выбором муж.

– Гриша, там две полки всякого! Иди и возьми, какое тебе хочется. Это же ты его покупаешь. Зачем берешь то, которое тебе не нравится?

– Так оно мне все нравится, просто я думал, что ты другое принесешь. Ладно, спасибо, – смирился муж и, словно делая мне одолжение, все же взял банку из моих рук.

Вам кажется, что Гриша плохой муж? Это совсем не так. Он абсолютно такой же, как вся моя жизнь, – обычный. Хотя лет десять назад я бы таким его не назвала. Мы познакомились еще в университете, учились на одном потоке. Гриша был веселым и жизнерадостным парнем. У него было много друзей, с которыми он до сих пор общается. Наверное, за это я и влюбилась в него: он был полон радости и любви к жизни, которыми делился с окружающими людьми. А я была прилежной и невзрачной: неплохо училась, носила одежду практичных черно-серых оттенков и всегда возвращалась домой до полуночи. Нет, я не была нудной заучкой, хотя именно так всегда говорила обо мне моя подруга Надя. Просто я как будто родилась уже серенькой, заурядной и пустой – без особого наполнения.

Пока я вспоминала, как начинался наш с мужем роман, мой любимый ромашковый чай уже остыл. Я смотрела, как стекают капли дождя по стеклу, и крутила в руках чашку с остатками чая.

Вдруг раздался звонок в дверь – Надя, моя университетская подруга, легка на помине. Пока я шла открывать, она уже принялась стучать кулаком и кричать что есть мочи:

– Марина, ау! Открывай!

Я поспешила, опасаясь, что эта сумасшедшая всех соседей поднимет на уши своими криками. Распахнув дверь, я аж ахнула, потому что подруга выглядела очень впечатляюще. Яркое пальто в пол цвета изумруда, высокие сапоги на шпильках и фетровая черная шляпа с огромными полями создавали шикарный образ.

– Надя, ты куда такая собралась? – опешила я, ведь на часах уже было десять вечера.

– Я не собралась, я уже пришла! – рассмеялась она и скинула прямо на пол свое шикарное пальто.

На мгновение меня ослепило: на ней было короткое облегающее черное платье в пайетках, переливающееся на свету всеми цветами сразу.

– У тебя свидание что ли потом? – продолжала недоумевать я, подбирая с пола пальто.

В таком виде, в моей картине мира, надо выходить в какое-то высшее светское общество. Ну или как минимум в театр. Хотя, пожалуй, для такого культурного заведения – это слишком. Дамы почтенного возраста с моноклями и программками в руках точно сочли бы подобный наряд чересчур вызывающим.

– Ну какая же ты зануда, – продолжала улыбаться Надя, чмокая меня в обе щеки, – прямо как в университете! К тебе я пришла на свидание! А что не так?

Надя покрутилась перед зеркалом на стене, пристально рассматривая себя. У нее шикарная фигура, однозначно, есть на что посмотреть. Она сняла шляпу, и на плечи упали длинные рыжие кудри. Подруга была красавицей, еще в университете все парни боролись за ее внимание. Удивительно то, что за двенадцать лет, которые я ее знаю, Надя ни капли не изменилась. В то время как у меня появилась первая седина и небольшое, но уже заметное количество морщин, она осталась точь-в-точь такой же, как в свои восемнадцать лет. Я в очередной раз подумала, что моя подруга – ведьма, и повесила в шкаф ее пальто.

Пока я возилась с пальто, Надя накрасила губы алой помадой, которая очень удачно дополнила образ. Я неловко взглянула на себя в зеркало. На меня смотрела слишком обычная женщина – в черном хлопковом халате и с пучком русых волос на макушке. Конечно, я чувствовала себя просто пугалом на фоне подруги. Хотя я никогда не была у Нади дома, но уверена, что там она ходит в шикарном шелковом халате и на каблуках. Как богатые домохозяйки в зарубежных фильмах. И обязательно с бокалом шампанского.

На ободке шляпы что-то блеснуло, я взяла ее, чтобы рассмотреть украшение. Это была брошь – маленькая золотая пчела со вставками зеленого камня. Очень изящное и старое украшение. Сейчас подобную брошь не найдешь в магазине: их делали давно, когда у женщин был отменный вкус. Камни тоже были настоящими – других здесь и не могло быть. Стоимость подобных украшений лучше не знать, так как с первого взгляда понятно, что она сопоставима с ценой не самой дешевой поддержанной машины. Но в этой броши самым странным было то, что точно такая же лежала у меня в шкатулке в спальне. Ее мне оставила бабушка перед смертью.

– Надя, что-то я не помню, когда я давала тебе эту брошь? – спросила я, вглядываясь в украшение в надежде найти различия.

– А ты мне и не давала, это моя брошь: я ее купила на блошином рынке в Стамбуле в прошлом месяце. – Надя выглядела совершенно невозмутимой и даже как будто слегка обиделась.

– Не может быть! – не унималась я. – Бабушка мне подарила точно такую же.

– Ты же не думаешь, что твоя брошь волшебным образом оказалась на старом рынке Стамбула, где среди тонн подержанных вещей ее нашла именно я? – рассмеялась подруга и направилась на кухню.

– Не думаю, – улыбнулась я в ответ.

Я самая обычная женщина, которая живет свою практичную, типичную жизнь. Столь загадочные истории можно встретить лишь на страницах романов, но точно не в моем мире. Смирившись с невозможностью такого развития событий, я положила шляпу на комод и тоже пошла на кухню. Надя уже всю хозяйничала там. На столе стояли мои любимые хрустальные фужеры, которые я достаю только на Новый год, но подруга без колебаний вытащила их из шкафа. На очереди был холодильник – Надя залезла в него так глубоко, что из него комично выглядывали только ее ноги и попа в блестящем платье.

– Фу! Как ты живешь?!

– А что не так? – не сразу поняла я причину возмущения.

– У тебя тут одно пиво! – Надя вынырнула из холодильника с лицом, полным отвращения, брезгливости и даже скорби.

– Гриша любит пиво, – смутилась я. – А что там должно быть?

– Дорогая, сколько лет мы уже дружим, а ты все такая же растяпа, – воскликнула Надя. – В холодильнике каждой уважающей себя женщины всегда должна быть бутылка ледяного шампанского!

– Вроде до Нового года далеко еще. По какому поводу ты захотела шампанского?

– Хорошо, я расскажу тебе свою теорию о роли шампанского в жизни женщины. Садись, – серьезно начала подруга, усевшись за стол. – Представь себе женщину, – Надя окинула меня слегка презрительным взглядом, – примерно твоего возраста, но ухоженную и в красивом платье. Она сидит одна на террасе кафе в теплый летний полдень и пьет шампанское. Возможно, она читает книгу или листает глянцевого журнал. Она точно не сидит в соцсетях или тиндере. Нет, она никого не ждет, она просто обедает одна. На столе стоит большая красивая тарелка с салатом. Представила?

– Допустим, – не до конца понимая, к чему ведет подруга, ответила я.

– Как думаешь, какая она, эта женщина?

– Ты же только что описала ее, – удивилась я такому вопросу, – что значит «какая»?

– Какая она внутри? Как она себя чувствует, как ощущает этот мир? – пояснила Надя.

– Для начала, похоже, что у нее нет двоих детей, мужа и работы.

Надя рассмеялась так звонко и искренне, что я до глубины души прочувствовала абсурдность своего утверждения. Хотя я не понимала, что она нашла смешного в моих словах. Я не могла представить себя в такой картине. Каждый день я, как и большинство людей, вставала в шесть утра, и дальше все было по стандартному плану: позавтракать, отвезти детей в школу, по дороге на работу быстро накрасить губы прямо в машине, до 18:00 корпоративное рабство, пробки, дом, ужин, уроки. Такой образ жизни, как у этой дамы в кафе, точно могут позволить себе только безработные, бездетные и безмужние. Те, кто живет без вот этого всего обычного – того, что в социуме называют «норма».

– Нет, подруга, у этой женщины все есть, – серьезно сказала Надя, – прекрасный заботливый муж, двое очаровательных сынишек, работа. Знаешь, почему она пьет в полдень шампанское и никуда не торопится? Потому что она так решила. Эта женщина выбрала быть свободной от запретов и ограничений. И шампанское в полдень – это ее подарок себе как символ праздника самой жизни: свободы, радости и любви к окружающему ее миру. Ты поняла?

– Такой образ жизни показывают только в фильмах, – я даже не могла представить себе такое в реальности, и уж тем более в своей реальности.

– Шампанское пьют счастливые женщины, празднуя саму жизнь. И этот напиток обязывает женщину быть счастливой в моменте. Это такая хитрая причинно-следственная связь:

шампанское – напиток праздника и радости, хочешь пить шампанское – радуйся, не хочешь радоваться – не пей шампанское. Я сама это придумала, классно? – Надя улыбалась своей шикарной белоснежной улыбкой и, кажется, на самом деле была очень довольна собой.

– По-моему, ты все слишком упростила. И так не работает в реальной жизни. Ты сама таких женщин много знаешь, как описала?

– Конечно! Я тебя познакомлю с парой своих знакомых. Они потрясающие!

– Ага, пусть расскажут, как им удастся совмещать работу, семью и шампанское в полдень, – буркнула я, абсолютно убежденная в том, что Надя меня ни с кем не познакомит, ведь такого не бывает.

– Расскажут обязательно, раз ты мне не веришь! – не отказывалась от своей задумки подруга. – Так, собирайся быстренько, пойдем, пока магазин не закрылся.

– Куда? В магазин?! – опешила я.

– Ну а куда? У тебя же нет шампанского дома!

– Так магазин закрывается через пятнадцать минут, – предприняла я последнюю попытку остаться дома.

– Успеем! – крикнула Надя из коридора.

Она уже решительно застегивала сапоги. При желании эта женщина могла добыть шампанское, даже если все магазины давно закрылись.

Я решила не спорить и пошла в спальню одеваться. Из своего практичного гардероба в пятидесяти оттенках серого я выцепила любимое черное худи и джинсы.

– Гриша, я в магазин, – бросила мужу по дороге в коридор.

– Мариша, пива возьми вкусного какого-нибудь! – он даже не оторвал взгляд от телевизора, матч был в самом разгаре. – Завтра Коля придет игру смотреть.

Не хотелось при Наде начинать спор о том, что в холодильнике две полки забиты пивом всех возможных марок. Поэтому я промолчала и пошла надевать кроссовки. В это время Надя уже оделась и подводила губы помадой, рассматривая свое отражение в зеркале.

– Фу! – воскликнула подруга, окинув меня взглядом. – Ты в этом пойдешь?!

– Ну да, – смущенно ответила я.

Из зеркала на меня смотрела совершенно обычная я, такая же, как каждый день. Ничего ужасающего, что увидела Надя, не наблюдалось.

– Ой, ладно, я как будто забыла на мгновение, с кем дружу, – махнула рукой Надя. – И с чего вдруг у меня возникла мысль, что ты наденешь что-то приличное. Подруга, ты ужасно одеваешься. Я торжественно и категорически приглашаю тебя на совместный шопинг уже в который раз!

За годы нашей дружбы я многократно слышала от нее критику по поводу моего внешнего вида, как и приглашение пройтись по магазинам для обновления гардероба. Но моя жизнь обязывала меня одеваться удобно и практично. Вот бы посмотреть, как Надя бежит на своих шпильках по детской площадке или торговому центру с двумя ноющими детьми. Извини, подруга, но кроссовки побеждают.

Мы вышли из подъезда и бодрым шагом направились к ближайшему магазину, который удобно расположился во дворе. До его закрытия оставалось десять минут. Надя всю дорогу говорила о необходимости срочно обновить мой гардероб. А я молчала и думала про ту даму в красивом платье, которая счастлива оттого, что может пить шампанское в обед. Или она счастлива и поэтому пьет шампанское?

– Встретимся на кассе через три минуты! – крикнула Надя, убегая вглубь магазина.

Пока я шла в винный отдел, вспоминала, как началась эта дружба еще на первом курсе университета. Прошло уже двенадцать лет, а я так и не поняла, почему эта женщина-ураган выбрала меня в подруги. Но я точно знала, почему я выбрала ее. Иногда в жизни встречаются люди, которые наполнены чем-то удивительным: энергией, силой, любовью, радостью. Причем

так много в них этого, что вот-вот через край выплеснется. Вот такие люди меня и притягивали. Они дарили мне то, что было в них с избытком. У нас с ними был такой взаимовыгодный обмен: ведь они тоже нуждаются в ком-то, с кем могут поделиться излишками.

У стеллажей с пивом я вспомнила про просьбу Гриши. В пиве я не разбираюсь совершенно, как и во всех остальных алкогольных напитках, если уж честно. Окинув взглядом ряды всевозможных пивных бутылок и банок, я не придумала ничего лучше, как взять две первые попавшиеся бутылки с каким-то непроизносимым немецким наименованием. Выделенные мне Надей и графиком работы магазина три минуты подходили к концу, надо было торопиться. Я положила в корзину бутылку знакомого мне самого обычного бюджетного полусладкого шампанского и направилась к кассе.

Надя уже стояла в очереди. В ее корзине была пачка сыра с плесенью и красивая бутылка, конечно, не самого обычного и в придачу не самого дешевого шампанского. Когда я подошла, она выхватила из моей корзины шампанское, быстро изучила этикетку и сказала как отрезала:

– Мы это пить не будем.

И поставила выбранную мной бутылку на стеллаж возле кассы, где грустили такие же товары-отказники. На кого-то не хватило денег, а кто-то не прошел жесткий отбор, как мое шампанское.

Надя рассчиталась за содержимое и своей, и моей корзины, в которой остались лишь две бутылки пива, не интересующие мою подругу, поэтому не подвергшиеся оценке и отбору. Мне стало плохо от суммы в чеке: на эти деньги я запросто могла купить продуктов на целую неделю и прокормить семью из четырех человек. Но подругу чек вообще не смутил, и с улыбкой шкодливого ребенка она пыталась засунуть бутылку шампанского в свою небольшую сумочку.

– Девушки, магазин закрывается, давайте, пожалуйста, на выход! – сурово крикнул охранник.

Надя схватила меня за руку, и мы побежали к выходу.

Вроде, закончили университет восемь лет назад, а она не изменилась ни капли – такая же сумасшедшая и озорная, как и была на первом курсе. Все эти годы я пыталась понять, в чем ее секрет: что помогает ей оставаться такой же беззаботной, легкой и счастливой, как будто ей все еще восемнадцать. Секрет оставался неразгаданным, но я почти уверена, что дело не в шампанском, хотя подруга наверняка сказала бы обратное.

Когда мы вышли из магазина, Надя достала пачку ментоловых сигарет и протянула ее мне:

– Будешь? – спросила она, прикуривая.

– Нет, я же не курю.

– Думаешь, опасно для здоровья?

У Нади была совершенно удивительная философия, ее вопросы иногда ставили в тупик, ведь ответ казался очевидным, но только не в ее картине мира.

– Думаю, да, – чуть засомневавшись сказала я, – вроде уже доказано это.

– Знаешь, что точно вредно для здоровья? – загадочно спросила она и замолчала.

– И что же?

– Жить такой убогой жизнью, как у тебя, – она вдохнула табачный дым и на мгновение стала очень серьезной, а потом рассмеялась. – Не обижайся, ты же знаешь, я не со зла.

Обижаться не было никакого смысла, она в самом деле не хотела меня обидеть. Иногда я и сама считала свою жизнь убогой, но чаще просто обычной.

Я направилась к дому.

– Ой, не хочу на твою депрессивную кухню! – Надя схватила меня за руку в попытке остановить от возвращения на мою, как мне казалось, абсолютно нормальную кухню.

– А что ты предлагаешь? Уже одиннадцать часов ночи! – иногда я задавала вопросы, о которых сильно жалела потом, ведь у этой женщины всегда был ответ, который никак не впи-

сывался в мою привычную жизнь, а больше подходил для сериала с динамично развивающимся сюжетом.

– Пошли на стадион! Помнишь, как еще в универе ходили на стадион пить шампанское ночью! Ну пожалуйста, пожалуйста! – Надя была в восторге от своей идеи и аж подпрыгивала на месте от нетерпения.

– Надя, нам по тридцать лет, какое шампанское на стадионе?! – возмутилась я. – А если милиционер какой-нибудь увидит? И у меня там дети дома, надо еще проверить, как они умоются, спать лягут.

– Марина, ты такая зануда! Лягут твои дети и без тебя спать, они уже в школу ходят, зубы почистить могут и сами!

Похоже, что отказ не принимался, как и обычно, в принципе. Совершенно неожиданно Надя достала из сумки шампанское и одним движением открыла бутылку. Раздался громкий хлопок. От неожиданности я испугалась и вскрикнула. Пробка улетела в неизвестном направлении, а из бутылки вырвался поток пены. На лице подруги сияла улыбка, она радовалась как ребенок. Как только поток пены прекратился, Надя сделала глоток прямо из горла. Напиток полился через край, прямо по ее шее на шикарное изумрудное пальто. Надя отпрянула от бутылки и, похоже, совсем не расстроившись из-за пальто, которое точно придется сдавать в химчистку, рассмеялась на весь двор.

– Я так понимаю, вариантов у нас нет? – с надеждой уточнила я, забирая у подруги бутылку.

– Никаких! – светилась от радости подруга.

– Ладно, пошли на стадион.

Мы шли пару минут, поочередно отпивая шампанское маленькими глотками прямо из бутылки. Надя была в восторге от происходящего: всю дорогу она смеялась, пританцовывала вокруг меня и размахивала бутылкой, периодически обливая и свое роскошное пальто, и мой простой серенький пуховик. Становилось все холоднее, зима подкрадывалась тихо, но уверенно, как кошка на мягких лапах. Первый снег выпал и растаял уже давно. На улице было не больше нуля, а ночью температура часто падала ниже минус пяти.

Мы сидели на лавочке, как на первом курсе университета, пили шампанское и смеялись, вспоминая истории нашей молодости. Я заметила, что уже чуть за полночь, когда шампанское закончилось.

– Все, я поехала, меня ждет такси, – Надя быстро встала, чмокнула меня в щеку и пошла в сторону выхода со стадиона.

Я не заметила даже, как она вызвала такси, но это было в ее стиле. Каждый раз, как только заканчивалась выпивка, она сразу вставала и, ссылаясь на то, что ее ждет такси, немедленно покидала наши душевные посиделки. За годы дружбы я к этому привыкла, и, если бы Надя вдруг начала уходить как-то иначе, вот это уже могло показаться странным.

Мне было хорошо, весело и спокойно, как всегда после общения с этой удивительной женщиной. Видимо, при встречах я в самом деле наполняюсь ее излишками энергии. Жаль, что к утру это состояние уже пройдет. Хорошо, что наша с Надей потребность в общении на удивление взаимна: ее излишки энергии образуются так же часто, как я в них нуждаюсь. Домой идти не хотелось, не хотелось мыть посуду, разбирать постиранное белье, варить детям кашу на завтрак. И хоть я искренне любила свою семью, я не хотела сейчас возвращаться в эту домашнюю рутину. После встреч с подругой всегда хотелось совсем иного – гулять где-то на набережной, танцевать, пить шампанское и целоваться. Жить, хотелось просто жить. И жить совсем другую жизнь. Но дома ждал, хотелось верить, что ждал, муж. Надо проверить, спят ли дети или опять сидят в своих телефонах. Пару минут я еще посидела на лавочке, вдыхая холодный осенний воздух и рассматривая несколько звезд на темном октябрьском небе. И как бы мне ни хотелось

сейчас оказаться где-нибудь в другом городе или даже другом мире, я все же встала и отправилась домой – жить свою обычную жизнь.

– Марина, ты пиво взяла? – крикнул муж, как только я вошла в дом.

– Гриша, чего ты орешь, там же дети спят, – тихо сказала я, войдя в зал и наблюдая мужа в той же позе, что и полтора часа назад.

– Не, я им разрешил мультики посмотреть, – ответил Гриша, не отрываясь от телевизора, – думал, ты придешь уложишь их. Ты чего так долго?

– Захотелось пройтись немного, – вдаваться в подробности не было желания. – Пиво взяла.

– А, ну хорошо, – муж снова безразлично уткнулся в телевизор.

Гриша был не самым вовлеченным в родительские обязанности мужчиной и все перекидывал на меня: бассейн, кружки, школа, уроки, врачи. Максимум, на что он был способен, – пару раз в год куда-то отвезти детей и купить по моему списку что-то для них. Не скажу, что меня это напрягало или хотя бы волновало. Как только мы поженились и начали говорить о детях, Гриша дал понять, что он не будет отцом года. Но меня тогда это полностью устраивало, я видела себя в роли матери и, пожалуй, даже не хотела делить родительские обязанности с мужем. Я легко и с удовольствием занималась малышами, у меня не было послеродовой депрессии ни после первых, ни после вторых родов. Бессонные ночи, про которые рассказывают столько страшных историй, обошли меня стороной. Так как у детей было два года разницы, в декрете я провела пять лет. И это были хорошие пять лет, наполненные любовью и заботой.

Мне не хотелось сейчас ругаться с мужем, хотя я и рассчитывала, что уложить детей в кровать он сможет. Я пошла в детскую, дети, конечно, не спали. Отправив их умыться, я пошла на кухню и положила в холодильник еще две ненавистные бутылки пива. Как только дети улеглись по своим кроватям, снова в голове всплыли мысли про даму в кафе и рассуждения Нади о шампанском. Почему-то эти размышления взволновали меня, ощущение тревоги накатывало все сильнее с каждой минутой. В момент, когда закипел чайник, на кухню зашел Гриша и сразу полез в холодильник.

– Блин, Марина, а чего ты такое пиво взяла отстойное? – в его голосе звучало явное разочарование.

Я задумалась о том, как столь незначительное событие в виде покупки не очень вкусного пива может вызвать у человека такие сильные эмоции.

– А тебя расстроило то, что я сделала неправильный выбор, или то, что в холодильнике теперь будет две бутылки не очень любимого тобой пива? – во мне еще бурлила полученная от подруги энергия, обычно я так не разговариваю с ним.

– Ты в порядке? – опешил муж от моего вопроса.

– В полном. Пытаюсь просто понять, что тебя так сильно расстроило.

– Ладно, пойду спать. – Гриша не любил такие разговоры и всячески пытался их избежать.

Он быстро покинул кухню, и через мгновение я услышала, как в спальне тихонько включился телевизор. Была такая привычка у Гриши – засыпать под телевизор. Я ее просто ненавидела: никогда не могла уснуть под блики синего экрана. Но по-другому Гриша уснуть не мог, поэтому я ложилась намного позже, когда он уже засыпал.

На столе в блюде лежал чайный пакетик, который я предусмотрительно оставила после первой заварки, чтобы заварить еще раз. Я кинула пакетик в кружку и залила кипятком. Пока заваривался чай, я продолжила заниматься тем, на чем меня прервала подруга, – рассматривать рольшторы. Вот розовое пятно – это Оля совсем маленькая засунула ручки в вазочку с клубничным вареньем и решила оставить отпечатки своих ладошек на шторе. А эта россыпь желтых пятен появилась, еще когда Рома учился есть сам. Я вспоминала, как он разбрасывал

еду по всей кухне, и улыбалась от теплых воспоминаний. Жаль, у нас не было тогда собаки, сильно упростило бы уборку – хоть на полу было бы чисто. Собаки у нас и сейчас нет, хотя я всегда хотела ее завести. Но непрактично же – шерсть, прогулки, прививки.

К своим тридцати я привыкла запрещать себе любые спонтанные решения и покупки. Ремонт, машина, одежда – все было простым и удобным. Даже готовила я просто, быстро и так, чтобы не оставалось лишнего. Впрок закупала только продукты длительного хранения – крупы, кофе, консервы. Вся одежда в нашей семье была немарких оттенков и не сильно мнущаяся. Сколько всего «непрактичного» я запретила себе хотеть, даже не могу вспомнить.

Вибрация телефона вырвала меня из мыслей. «Люблю тебя, подруга!» – короткое сообщение от Нади. Она пишет мне это каждый вечер, как будто нам все еще по восемнадцать. Но эта одна из ее привычек, от которой становится так тепло внутри. «И я тебя люблю, подруга», – написала я в ответ.

Гриша уже спал, когда я вошла в спальню. Я выключила телевизор и уже собиралась лечь в кровать, как вспомнила о броши подруги. Таких совпадений просто не может быть. В глубине ящика комода лежала маленькая шкатулка, в которой прятались немногочисленные, но очень дорогие сердцу украшения: две броши, цепочка с кулоном и тонкая нить жемчужных бус. Случайных или безвкусных вещей здесь не было. Каждое украшение имело свою волнующую историю и появилось в моей жизни не просто так. Но меня интересовала сейчас только бабушкина брошь. Я высыпала на кровать все украшения и увидела ее сразу – точь-в-точь такая же, как у Нади на шляпе. Крошечная золотая оса с зелеными изумрудными камнями на крыльях. Наверное, можно допустить, что эта брошь была создана не в единственном экземпляре. Да и откуда она у бабушки, я не знаю. Может, она тоже купила ее на рынке в Стамбуле, где какой-то местный мастер сделал таких брошей штук сто. Глаза слипались от усталости, и я решила продолжить свои размышления завтра. Но завтрашний день озадачил меня совсем другими вопросами...

Глава 2.

Старик и кофе

Ночное распитие шампанского не прошло без следа – на следующее утро в голове гудело так, будто там поселился рой пчел. Пока в турке закипал кофе, я окинула взглядом кухню. С первого взгляда – обычная кухня. Но я постаралась посмотреть на нее как на депрессивную кухню, каковой она являлась, по оценке моей подруги. Да, радости и энергии в ней точно не было. Серые фасады, черная практичная столешница, простой обеденный гарнитур оттенка графита. Я задумалась о границах депрессивности, которые можно применить к кухне, и оценила свою на шесть баллов из десяти. В принципе, по выработанной только что шкале депрессивных кухонь, моей еще было куда стремиться.

Дома было тихо, муж и дети еще спали, когда я проснулась почему-то без будильника на час раньше обычного. Может, этот тот случай, про которые говорят: «сон алкоголика короткий и тревожен»? Я пила кофе, слушала, как тихонько бурлит каша на плите, и пыталась примерить к себе негордое звание алкоголика. Несмотря на то, что Гриша обожает пиво и пьет его без устали, мое отношение к алкоголю было, мягко говоря, спокойным. Выпивала я, как правило, только по праздникам или с Надей, и то не так уж часто. Мы чаще обедали вместе где-нибудь в кафе возле моего офиса, чем распивали на стадионах шампанское. А привычки выпивать за дневной трапезой бокал шампанского у меня не было. По крайней мере пока.

Завтра мы должны были пообедать с Надей в уютном итальянском ресторане. По своему обыкновению подруга за едой болтала без умолку, даже с набитым ртом, что ее ничуть не смущало. За пару дней, которые мы обычно не виделись, у нее набиралось примерно два миллиона историй, которыми она просто обязана была поделиться со мной.

По дороге на работу я думала о том, какой историей Надя будет удивлять меня завтра, как вдруг вспомнила одну странную вещь во вчерашнем вечере. Стамбул? Когда она была в Стамбуле? И как случилось, что я не слышала про это ни одной истории? Ситуация показалась мне не просто странной, а невыносимой. Надя рассказывает мне вообще все на свете. Иногда она даже звонит мне, чтобы поведать, что ела на обед, если это хоть немного тянуло на историю в ее представлении.

Понимая, что не смогу до завтра мучиться этим вопросом, я набрала номер телефона подруги, чтобы внести хоть каплю ясности. Но номер был недоступен. Для особого волнения не было причин, она часто путешествовала по работе, поэтому телефон бывает недоступен и день, и два, и даже неделю. Я написала ей в мессенджер: «Надя, позвони мне, как сможешь. У меня есть несрочный вопрос».

В рабочей суете мысли немного ушли в сторону от дамы с шампанским и поездки в Стамбул, о которой я не слышала ни слова от моей самой близкой подруги. У меня был самый обычный день, как и все другие. Вечером я повезла дочь в бассейн, что, признаться честно, для меня было целым событием, случающимся по вторникам и четвергам. В эти дни я стараюсь выглядеть чуть лучше, чем обычно: крашу губы, надеваю что-то привлекательнее худи и джинсов. Ладно, буду совсем откровенна, не просто привлекательнее, а сексуальнее. Но так как мой гардероб и сексуальность находятся на противоположных краях системы координат, надеваю хоть что-то, в чем видно, что у меня есть грудь. И причина очень примитивная, за что немного стыдно даже, – тренер моей дочери по плаванию, Глеб, просто красавчик. Он такой, знаете, типичный спасатель на пляже: молодой, сексуальный, с шикарным торсом и потрясающей улыбкой.

Вы что, подумали, что я с ним сплю или как минимум собираюсь? Разочарую вас, но нет. Просто, как и многим женщинам, мне нравится внимание мужчин и редкий легкий флирт. Поэтому мы с Глебом иногда шутим, улыбаемся друг другу, и всё.

– Привет! Я надеялся, что Олю привезешь ты, а не твой суровый муж, – улыбнулся мне Глеб, пока я стояла у раздевалки.

Я засмеялась, как шестнадцатилетняя дурочка, и слегка покраснела. Вообще, муж возил дочь в бассейн раз пять за последние три года, которые она занимается плаванием. Но Глеб почему-то постоянно так шутит. Думаю, у него так себе с чувством юмора. Повторяющиеся шутки – основной признак этого недостатка. Все мужчины, которые не умеют шутить, так делают: выбирают пару шуток, которые наверняка рассмешат девушку, и гоняют их по кругу. И тут, кстати, девушки попадают в очень неловкую ситуацию: когда ты слышишь шутку по десятому кругу, конечно, она уже не такая и смешная, но раз ты вчера над ней смеялась, будет странно сейчас не расхохотаться. Вот так и ходим по кругу: мужчины шутят одно и то же, а женщины демонстрируют одни и те же ожидаемые реакции.

– Мой суровый муж, как всегда, слишком занят, чтобы возить детей по бесконечным кружкам и секциям, – привычно улыбнулась я в ответ на уже давно несмешную шутку.

– А почему ты никогда не ходишь сама в бассейн, пока Оля на занятии? – неожиданно полюбопытствовал Глеб.

– Не знаю даже, – смущенно ответила я.

На самом деле я об этом и не думала никогда, хотя обожаю плавать. Как-то мыслей не было, что так можно: оставить ребенка с тренером и, вместо того чтобы пить мерзкий кофе из автомата, листая соцсети почти час, пойти и поплавать.

– Зря ты так, – обворожительно улыбнулся Глеб, – многие мамочки так делают. Детей оставляют и сами идут на соседнюю дорожку для взрослых.

Идея показалась мне невероятно притягательной. Вода действовала на меня успокаивающе и лучше любых других способов помогала расслабиться. Последний раз я плавала в бассейне лет шесть назад. Интересно, налезет ли на меня купальник, который хоть иногда, но надевала я пять лет назад?

– Уверен, ты в купальнике просто неотразима, – будто прочел мои мысли Глеб и сально подмигнул мне.

В его словах четко прозвучало приглашение раздеться и показать, что там под мешком, который я считаю байкой. Одновременно мне стало стыдно и неловко, лицо залилось краской. Я заметила малышей, выходящих из раздевалки в зону бассейна, и решила воспользоваться моментом, чтобы прервать этот диалог.

– Глеб, тебе, наверное, уже пора, – я показала ему через стекло на группу детей, которые уже начали дурачиться возле бассейна в отсутствие тренера.

– Блин, да, пора бежать, извини, но, надеюсь, мы продолжим наш разговор после занятия, – он улыбнулся, погладил меня по плечу и поспешил к детям.

От его прикосновения стало совсем не по себе. Продолжать этот разговор мне совершенно не хотелось. Стыд с каждой минутой рос все сильнее, будто я изменила мужу, чего никогда не делала и даже не собиралась. Но этот похотливый, раздевающий меня взгляд и сальная улыбка просто укладывали меня в постель с Глебом. Такие мысли захотелось срочно запить огромным латте и заесть огромным куском меренгового рулета. Когда я вышла из бассейна, на здании напротив заметила неоновую вывеску «Кофе». Могу поклясться, что никакой кофейни раньше там не было. Наверняка кофе там был минимум в три раза лучше, чем из автомата возле раздевалки. А если там еще и меренговый рулет будет – это просто победа. С меренговым рулетом у нас была особая история. Я ем его всегда, когда испытываю чувство вины или стыда. Не знаю, как это случилось, но началась эта порочная меренговая связь давно,

поэтому сегодня это уже просто привычка. В надежде справиться с чувствами, которые так неожиданно нахлынули от разговора с Глебом, я направилась в кофейню.

Когда я зашла внутрь, захотелось воскликнуть «ого!» – я оказалась в самом странном месте, в котором когда-либо бывала. Свет был приглушен, и в полумраке едва можно было разглядеть тянущиеся вдоль стен высокие столы и барные стулья. Помещение было не больше пяти квадратных метров, думаю, там могло разместиться одновременно человек шесть от силы. Но удивили меня не скромные размеры, а стены, полностью увешанные разными предметами: картинами, блюдами, часами, медалями, флагами. Там были телефоны-автоматы и даже маленькие швейные машинки. Я сразу поняла, что все это не покупалось специально для интерьерера кофейни. Это коллекция всей жизни какого-то человека. Многие ее экспонаты подказывали свою родину – клеймом, флагом или названием страны. Там были предметы со всего света – Германия, Алжир, Аляска, Марокко – этот человек или имел друзей по всему миру, или совершил кругосветку.

Я стояла как вкопанная и рассматривала экспонаты этого удивительного музея несколько минут, пока не поняла, что в кафе кроме меня никого нет. Стало как-то неуютно, будто я ворвалась в чей-то дом без приглашения. Уже более внимательно я стала рассматривать не только предметы, но и все помещение, и в самом далеком от входа углу увидела какое-то подобие барной стойки. Я ожидала увидеть там бармена или официанта, однако никого не было. Но помещение просто пропиталось ароматом кофе, и я утвердилась в мысли, что все же это кофейня, а не чье-то жилище. Причем запах стоял удивительный – помимо кофе в нем угадывались гвоздика, пряный перец, ваниль и шоколад, и еще миллион ароматов, сплетающихся в невероятный букет.

Подойдя ближе к барной стойке, я увидела на столе небольшую газовую плитку на одну конфорку и маленький звоночек, какие обычно ставят на стойках регистрации в гостиницах. Казалось совершенно неуместным воспользоваться звонком, как будто в его звоне вмиг растворилась бы вся эта магия. За стойкой пряталась еще одна дверь. Почерневшая от старости, деревянная, полностью покрытая тончайшей резьбой ручной работы – удивительный рисунок из листьев и цветов. Таких цветов я не видела никогда в жизни, даже на картинках. Очевидно, что это плод фантазии автора. Какое-то время я рассматривала узор, не в силах оторвать взгляд. Что-то в нем казалось манящим и почему-то очень знакомым.

Несколько мгновений я раздумывала, позвонить в звонок или нет, и все же решилась. Как только я нажала на него ладонью, раздался очень приятный звон. Не такой мерзкий и пронзительный, как можно услышать от таких звоночков в отелях, а нежный и глубокий, чуть слышный. К счастью, он не разрушил волшебство этого места – все осталось прежним: запахи, полумрак и общая чарующая атмосфера.

В тот же миг дверь за барной стойкой распахнулась, и передо мной оказался пожилой мужчина. С виду самый обычный старик: среднего роста, седые волосы, короткостриженная седая борода, глубокие морщины по всему лицу. Но наверняка он был такой же необычный, как и все вокруг. Выглядел он лет на восемьдесят, не меньше, но при этом хорошо сложен – подтянутое тело, идеальная осанка и пристальный глубокий взгляд. От него веяло такой энергией и силой, будто, несмотря на годы, он был олицетворением самой жизни. Лицо старика было суровым, без тени улыбки и радости от моего появления. Он посмотрел на меня несколько секунд, стоя в дверном проеме, и двинулся к барной стойке. За эти секунды я успела рассмотреть помещение, которое пряталось за дверью. Это была очень маленькая комната, не больше двух квадратов, где стояли кровать и шкаф, доверху забитый книгами. Ощущение, что я не в кофейню зашла, а ворвалась в дом этого старого джентльмена, только усиливалось. Но уходить не хотелось совсем. Это место показалось мне самым подходящим для того, чтобы подумать.

– Садитесь, – буркнул старик и зажег конфорку на плите.

Я ожидала, что он предложит мне меню, но мужчина сразу принялся варить кофе, не спрашивая, какой именно я хочу. Пришлось последовать указанию – покорно сесть и ждать, что произойдет дальше. Выбор он, очевидно, сделал за меня.

Это место разбудило мое обычно дремлющее любопытство. Хотелось посмотреть, как будет вариться кофе, поэтому я выбрала ближайший к барной стойке стул. И не прогадала: весь процесс был больше похож на театральное представление. Старик ловко поставил на плитку огромную медную чашу с песком. Пока тот грелся, он достал турку, засыпал кофе, плеснул чуть воды, помешал все и добавил еще воды. А потом начал доставать десятки маленьких баночек со специями: каплю отсюда, щепотку оттуда – он скорее варил какое-то зелье из сотен ингредиентов, а не кофе. Как только турка прогрелась, зал наполнился ароматом специй, и мой мозг растворился в них. Исчезли все мысли, все переживания, я уже и забыла про те странные чувства, которые пришла обдумать. Все, что я могла делать, – это следить за магией приготовления кофе и вдыхать ароматы специй. Мужчина делал все быстро и уже через минуту нес мне на красивом медном подносе кофе и что-то еще.

– Две минуты пусть постоит, потом помешайте и пейте, – сурово сказал он, поставил поднос на стол и быстро удалился в свою комнату, резко захлопнув резную дверь.

Сервис тут, конечно, не стремился к высоким оценкам: меню нет, посуда одноразовая, как расплатиться, непонятно, чек он не принес. Но это заведение точно создавалось и существует не ради сервиса и оценок. Почему-то показалось, что оно существует даже не ради кофе, хотя вы вряд ли найдете много кофеен, где варят кофе на песке. У этого магического места была какая-то пока неведомая, но большая цель, которую я ощущала всеми органами чувств.

Вместе с кофе старик принес мне медовик, который, конечно, я бы и не подумала заказывать. Никогда не любила это пирожное. Везде, где я его пробовала, оно было сухим и каким-то безвкусным, будто сахара насыпали между парой кусков батона и сплющили, чтобы походило на выпечку. Пока настаивался кофе, я решила все же попробовать пирожное, хоть и не ожидала от него чего-то особенного. Но с первым же укусом стало понятно, что это лучший медовик, который только можно вообразить, – нежный, мягкий, идеально пропитанный. Ни один меренговый рулет уже не сможет даже валяться рядом с ним, не то что стоять. Такая выпечка может быть только домашней, приготовленной с особой любовью. Она не рождается в руках кондитера-троечника, который пожалел ингредиенты, чтобы чуть прихватить себе домой. Но было совершенно невозможно подумать, что этот старик печет медовики сам, здесь, в этом крохотном помещении. Однако, с каждым откушенным куском я убеждалась: старик не просто печет сам эти чудные медовики, а делает это каждый день, ведь пирожное было потрясающе свежим! Оно никак не могло быть сделано вчера. Пока я наслаждалась пирожным, две минуты давно прошли. Строго по инструкции я размешала кофе и сделала глоток. В одну секунду все рецепторы взорвались от удовольствия, вызванного множеством вкусов. Не представляю, сколько и каких специй туда было добавлено, но вместе они создавали просто феерию ароматов и вкусов. Да, это был лучший кофе в моей жизни. И, несомненно, лучший десерт, который я когда-либо пробовала.

Я потеряла счет времени, разглядывая предметы на стенах и наслаждаясь кофе. По ощущениям, прошло минут тридцать. Кофе давно был выпит, а медовик уничтожен. Внутри стало тепло и спокойно, уходить совершенно не хотелось, но занятие дочки уж должно было заканчиваться. За то время, что я провела в кофейне, сюда больше никто не зашел, а старик не выходил из своей комнаты. Хотелось поблагодарить его за кофе и десерт, однако я сочла неуместным звонить в звоночек и тревожить его ради этого. Еще больше хотелось узнать, что это за место, историю этих предметов, но показалось просто невозможным лезть к незнакомому человеку с подобными расспросами. То, что мне не удалось бы это сделать, подтверждала запертая резная дверь. Очевидно, старик не хотел ни с кем говорить. Надо было рассчитаться, но, так как меню здесь не было, я не имела ни малейшего представления о сумме моего чека. Я оставила

на столе купюру наверняка намного большего номинала, чем требовалось, и направилась к парковке.

Уже возле машины я взглянула на часы – до конца занятия Оли было еще десять минут. Мне совершенно не хотелось встречаться с Глебом, особенно с учетом того, что свое чувство вины и стыда за одну лишь мысль об измене мужу я так и не обдумала за кофе. Я села в машину и написала дочке, что подожду ее на парковке. Взгляд приковала неоновая вывеска кофейни – «Кофе». И все, просто «кофе», никакого броского и пафосного названия у этого странного заведения почему-то не было. Возможно, хозяин не хочет, чтобы его тревожили. Но зачем тогда вообще открывать кофейню? Это место было таким удивительным, что мне захотелось рассказать о нем всем. Казалось, здесь лечатся души лишь одной атмосферой и ароматом, не говоря уже о кофе и волшебных медовиках. У меня внутри было такое трепетное, тихое чувство, которое я бы назвала просто «хорошо». Обычно так чувствуешь себя во время качественного отдыха где-нибудь на море, и то день на третий-четвертый.

Я думала о том, как долго будет держаться эффект, когда в окно постучала дочь, испугав меня неожиданностью своего появления.

– Мама, а чего ты тут сидишь, а не внутри? – спросила она, забираясь на заднее сиденье.

– Захотелось подумать, малыш. Как прошло занятие?

– Мне понравилось! – она сияла от радости.

Оля обожала плавать с самого детства. Ее научил Гриша, когда мы первый раз поехали на море. Дочке тогда было всего два года, но она быстро уловила суть и уже через пару дней уверенно плавала, как маленькая рыбка. В три года мы записали ее в бассейн, отчего моя маленькая девочка была в полном восторге.

– Глеб Викторович передал тебе привет, – захихикала дочь.

Хорошо, что она еще слишком маленькая, чтобы в полной мере понимать, что взрослые мужчины вкладывают в фразу «передай маме привет». От этого «привета» мне снова стало не по себе. Я попыталась отогнать мысли о Глебе и погрузилась в свои воспоминания о кофейне. Мы неспешно ехали по узким улицам, дождь барабанил по лобовому стеклу, дочь всю дорогу делилась событиями своего дня. А мне было все так же хорошо, тепло и спокойно внутри, как когда я сидела в кофейне.

После ужина пришел друг Гриши – Коля. Он мне не очень нравился, но я никогда не акцентировала на этом внимание в разговорах с мужем. Я почти уверена, что Гриша тоже ничего хорошего не думал про мою взбалмошную подругу, но мне было абсолютно все равно, поэтому и я не говорила с ним о его друзьях. Мужчины ушли в зал смотреть футбол, а я осталась на кухне мыть посуду.

С этим у меня всегда было строго: ненавижу грязные тарелки в раковине, крошки и особенно лужицы на столе. Я маниакально протираю столешницу, как только там появляется хоть капля. Что уж тут поделать: это моя паранойя – люблю, когда на кухне чисто.

– Марина, подкинь пива, пожалуйста! – крикнул из зала муж, как только я закрыла кран.

Это была еще одна причина, по которой я не любила, когда к нам приходил Коля или другие друзья мужа: весь вечер, как обслуживающий персонал, я вынуждена носить им проклятое пиво. Однажды мы с мужем обсудили это. Нет, не ругались, просто спокойно обсудили. Но в некоторых вопросах Гриша имеет очень архаичные взгляды.

– Марина, ты хозяйка в этом доме, – сказал он мне тогда, – ухаживать за гостями – это нормально. Это признак гостеприимства.

Особо не поспоришь, но у меня немного иное представление о гостеприимстве. Не сумев тогда убедительно донести свою мысль, я смиренно نوشу гостям пиво и не жалею, как приличная, с точки зрения мужа, хозяйка дома. Я достала из холодильника первые попавшиеся под руку банки и пошла в зал.

– Спасибо, дорогая, – сказал Гриша и поцеловал меня в ладонь.

Это было так же неестественно для него, как для меня весь вечер носить пиво его друзьям. Но подобный жест для Гриши имел определенный смысл: так в его картине мира выглядела ролевая модель хорошего мужа. Вообще, модель неплохая и нормальная, но не в нашей семье. Так как у нас это было лишь напоказ перед друзьями в целях получения общественного одобрения.

Расположившись на кухне с чашкой ромашкового чая, я листала соцсети без особой заинтересованности. Бессмысленное занятие, которое воровало миллионы часов у всех людей на планете. Я часто корила себя за то, что так глупо растрачиваю время, которое и без того уходит не всегда понятно куда. Набравшись решимости, я отложила телефон и окинула взглядом свою полудепрессивную кухню – вокруг было чисто, на столешнице ни крошки, в раковине даже ложки грязной не было. Чтобы чем-то занять себя, раз уж я твердо решила использовать время более рационально, я вылила в раковину остатки чая и помыла чашку.

Телефон издал короткое «бздынь». Я надеялась, что это сообщение от Нади – уж слишком долго она не выходила на связь. Да, это было видеосообщение от подруги.

– Дорогая, привет! Извини, что не отвечала так долго, была занята! – я увидела Надю в белом махровом халате, длинные рыжие кудри растрепаны, в руке бокал шампанского. – За тебя, моя хорошая! – она сделала глоток, и только в этот момент я заметила, что она стоит на балконе, а на заднем фоне – я не поверила своим глазам! – где-то в километре виднелась Эйфелева башня. – Как тебе вид, шикарный, да?!

Надя светилась от счастья, она покружилась, чтобы я смогла рассмотреть то место, где она находилась. Это была очень изящная комната, обставленная с большим вкусом антикварной мебелью. Огромная кровать с изумрудным балдахином, старинное трюмо с резной деревянной рамой, изящный кофейный столик у окна с огромным пуфом такого же оттенка, как балдахин. В таких комнатах должны жить кинодивы или примы известных театров. Спальня была абсолютной мечтой любой женщины, внутренний мир которой имеет хотя бы минимальную степень утонченности. Такие спальни бывают только в Париже.

– Да, я в Париже! Милая, у тебя что-то срочное? Я завтра утром прилечу. Все расскажу за обедом. Целую и люблю тебя!

В кадре неожиданно появился мужчина и поцеловал Надю в щеку. Конечно, он был бесконечно красив, как и все вокруг этой идеальной женщины.

Видео закончилось. Я написала: «И я тебя люблю. Развлекайся там. До завтра, встретимся в 13:00, как обычно».

Неистово захотелось шампанского. От этой мысли стало не по себе, так как появляются подобные желания у меня примерно никогда. Кого я обманываю? Мне хотелось не только шампанского, мне хотелось всего, что я только что видела. Быть в Париже, пить шампанское на балконе, смеяться, целоваться и заниматься любовью. Всегда хотела жить такой жизнью, какой живет Надя. В субботу утром поехать в аэропорт с одним лишь паспортом в кармане, выбрать ближайший рейс до четырех часов перелета и полететь, куда заведет Вселенная. Пообедать в Милане или Венеции, поужинать в Париже, погулять по улицам старого города в Праге, остановиться в каком-нибудь шикарном отеле на ночь. На следующий день позавтракать в невероятно атмосферном кафе с видом на море или хотя бы огромное озеро. И в обед вылететь обратно домой. Надя так делала частенько, чем постоянно напоминала мне о жизни, о которой я мечтала, но не могла себе позволить. Все чаще мне казалось, что подруга живет мою жизнь, которую она каким-то необъяснимым образом украла у меня. А я живу чьей-то чужой, но тоже украденной жизнью.

– Мариша, подкинешь нам пива? – пленительная картинка разбилась вдребезги.

Я открыла холодильник и удивилась: там осталось всего три банки пива. То ли я не заметила, как пролетело время, и ребята опустошили запасы, то ли Гриша ошибся в расчетах при закупке. Хотелось побыть одной и подумать о жизни, которую я так отчаянно желала. Вручив

Грише и его другу по банке пива, я зашла в детскую проверить детей. Они с увлечением играли в какую-то игру, можно было не волноваться – до отбоя еще два часа. Я быстро накинула пальто и, не предупредив мужа, вышла из дома.

Моросил прохладный осенний дождь, но я любила такую погоду, поэтому часто даже не брала с собой зонт. Я любила саму осень – серую, мокрую, с тяжелым дождевым небом без лучика солнца и густыми туманами. Какая-то далекая, давно забытая часть меня будто черпала из этого скудные капли вдохновения и энергии. Уже у входа в магазин я подумала о дальнейших событиях: возьму пиво, вернусь домой – и что дальше? Ничего, ничего приятного или хотя бы интересного не произойдет со мной ни сегодня, ни завтра, ни даже через месяц. «Не хочу!» – крикнула часть моего сознания. Я растерялась от неожиданности: подсознание говорило со мной нечасто. Хочу ли я дальше жить такую жизнь, какой живу сегодня? Как бы ни было тяжело, стыдно и больно признаться себе в этом – нет, не хочу! А чего я хочу? Этот вопрос я не задавала себя много лет, но в последние дни все чаще перед глазами мелькали картинки той жизни, которая была такой желанной. Я резко развернулась и пошла прочь от магазина, куда глаза глядят.

Чего я хочу? Когда мне было лет шестнадцать, я еще могла точно ответить на него. Я мечтала жить где-то далеко, может, в Южной Америке, обязательно там, где тепло круглый год и есть пляжи. Спать до обеда, обедать на берегу океана, кататься на сёрфе, гулять под луной и заниматься любовью на пляже – примерно так выглядела картинка идеальной жизни, когда я была молодой и глупой. Конечно, я не думала о том, как буду зарабатывать на жизнь и оплачивать счета. Я мечтала, и мне было хорошо наедине с моими мечтами. Но жизнь имела на меня другие планы.

Я поступила в экономический университет, на первом курсе познакомилась с Гришей, влюбилась. Казалось, что теперь жизнь должна быть серьезной, взрослой и обязательно практичной. После окончания университета мы с Гришей сразу поженились, а меньше чем через год я родила сыночка – Рому. А еще через два года – Олю. Вот и все. Мечты о беззаботном времяпрепровождении на берегу океана окончательно остались мечтами. Где-то в глубине души хранилась маленькая шкатулка, куда я спрятала свою маленькую бунтарку, мечтающую о жизни у моря, чтобы защитить ее от суровых взрослых будней.

В своих мыслях и воспоминаниях я дошла до небольшого сквера в нашем квартале и присела на скамейку. Захотелось открыть спрятанную давно шкатулку внутри сознания и посмотреть, как там моя маленькая мечтательница. Закрыв глаза, постаралась представить ее. Я ожидала увидеть там себя в шестнадцать – с розовыми волосами, в рваных джинсах и растянутой футболке. Но вместо девушки-подростка в глубине давно запертой шкатулки был кто-то другой: в полумраке спиной ко мне стояла девочка лет шести. Она смотрела на мольберт, находящийся перед ней, и крепко сжимала в маленьком кулачке кисть. Холст покрывали алые цветы причудливой формы. Вдруг девочка резко обернулась, возможно, почувствовав мое присутствие, и посмотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд был пронзительным, тяжелым и наполненным одновременно злобой и глубочайшей грустью. Сердце заколотилось, по спине пробежала дрожь, я открыла глаза, и видение исчезло.

Несколько минут я ждала, пока пульс придет в норму, голова немного кружилась, в висках пульсировала кровь. Было тяжело отогнать мысли об этом взгляде – таком глубоком и как будто зовущем меня. Появилось стойкое ощущение, что я должна – нет! – обязана что-то сделать для этой девочки с кистью. Но у меня не было ни единой мысли, что именно. Я даже не представляла, кто эта девочка и почему она в моей шкатулке вместо шестнадцатилетней меня. Не стоило смотреть туда. Жила же как-то я без этого, закрыла шкатулку и правильно сделала. Но уже поздно сожалеть, в этом видении была какая-то загадка и, похоже, обязательство перед маленькой художницей, которое я должна выполнить.

Зазвонил телефон. Я совсем потеряла счет времени и не представляла, сколько просидела тут.

– Мариша, ну ты где потерялась? – в голосе Гриши я услышала нотки раздражения. – Ничего не сказала. За пивом, что ли, пошла, умница моя?

Видимо, Гриша заметил, что меня нет дома, когда я не отозвалась на очередное «Марина, пива!», из-за чего ему пришлось идти на кухню самому.

– Да, в магазин пошла, тут очередь просто, – почти не соврала я, ведь в магазин я изначально и шла.

– А, ну давай, ждем тебя, – бросил муж и положил трубку.

Судя по всему, пиво в холодильнике закончилось. По пути в магазин я снова подумала о девочке с мольбертом в моем подсознании. И вспомнила еще одну странную деталь – цветы. В детстве я очень любила растения, у меня были десятки книг и журналов по ботанике. И почти каждые выходные мы ходили с отцом в ботанический сад, где я без устали я рассматривала и изучала обитателей местной флоры и фауны. Я быстро пробежала по закоулкам памяти, вспоминая все известные мне растения. Могу поспорить, что таких цветов не существует, но почему-то они показались знакомыми. Внезапно все сложилось, и стало понятно, почему сегодня мне вдруг захотелось открыть шкапу, которая так давно пылилась на задворках моей памяти. Я остановилась у входа в магазин как вкопанная. Точно такие же причудливые цветы были на старинной резной двери в кофейне.

– Мариша, мы уже заждались тебя! – раздался совершенно неожиданно крик мужа из зала.

Я стояла в коридоре с большим тяжелым пакетом с покупками. Взглянув на часы, я с ужасом поняла, что совсем не помню последние тридцать минут своей жизни, которые, очевидно, провела в магазине. Видимо, я так долго молчала, пытаясь восстановить в памяти события последнего получаса, что Гриша вышел из зала проверить меня.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросил он и забрал у меня из рук пакет.

– Угу, – буркнула я в ответ.

– Ого! – воскликнул муж. – Коля, у нас шикарный выбор пива!

Краем глаза я тоже заглянула в пакет – он был полностью забит всевозможными пивными банками. Похоже, подсознательно мне надоело бегать за пивом, поэтому я решила закупиться на пару месяцев вперед. Вдруг на плечи просто рухнула усталость, хотелось немедленно лечь в кровать и провалиться в сон.

– Я спать, – коротко сказала я и, чмокнув мужа в щеку, пошла сразу в спальню, где, лишь упав на кровать, провалилась в глубокий сон.

Старая квартира бабушки, где я родилась и провела первые девять лет своей жизни. Здесь жила бабушка, мы с родителями и брат отца с женой. Все выглядело точно так, как в далеком детстве. Длинный просторный коридор, из которого идут четыре двери – на кухню и в три спальни. Интуитивно я направилась к самой любимой комнате в этом доме – бабушкиной спальне. Толкнув дверь, я нашла комнату точно такой же, как и ожидала: небольшая, залитая солнцем и такая уютная. Все свободное пространство на стенах занимали репродукции картин известных художников. У окна стоял мольберт, а рядом – та маленькая девочка из моей шкапу. Она не замечала моего присутствия и увлеченно рисовала алые цветы, которые были в моем видении. Я молча наблюдала, как она рисует, – это было так энергично и захватывающе. Легкими взмахами кисти за считанные минуты она заполнила весь холст дивным цветочным узором. И, только завершив работу, обернулась. На этот раз девочка выглядела иначе: широкая улыбка озаряла милое личико, глаза сияли радостью и вдохновением. Это лицо показалось знакомым, будто очень давно мы знали друг друга, но потом потеряли на десятки лет. Заметив меня, девочка улыбнулась еще шире и протянула мне свою кисть.

Сон развеялся со звоном будильника. Мне предстояло узнать, кто же эта девочка. И пока я даже не представляла, с чего начать.

Глава 3.

Преступление в Париже

Все следующее утро я была погружена в мысли. Они роились и путались, перед глазами мелькала старая резная дверь в кофейне, девочка у мольберта и алые цветы. Чтобы ничего не упустить в этом ворохе событий, я открыла заметки в телефоне и записала свои мысли. Вдобавок ко всему вспомнилась и загадочная поездка подруги в Стамбул. Я добавила к списку запись «Стамбул» и попробовала все же сосредоточиться на работе. События не казались мне случайными, наоборот – с каждой минутой я убеждалась в том, что между ними точно есть какая-то еле уловимая связь.

В районе одиннадцати часов пришло сообщение от Нади – селфи на фоне взлетной полосы в аэропорту и подпись: «Я прилетела, до встречи в 13:00. У меня для тебя подарок!» Из каждой поездки она мне что-то привозила, как правило, маленький национальный сувенир. У меня была целая коробка таких подарков, которые даже непонятно, как использовать. Обычно люди ставят подобные безделушки на полки в шкафу. Но для меня это было слишком непрактично – ведь их надо постоянно переставлять при протираании пыли. Моя прагматичность просто не могла допустить такого нерационального использования пространства и времени.

Толкающиеся в голове мысли никак не давали сфокусироваться на работе, поэтому я вышла из офиса на полчаса раньше обеденного перерыва. Благо с часами у нас на входе никто не стоял, поэтому такие шалости иногда можно было себе позволить. Подходя к ресторану, в котором мы должны были встретиться с Надей, я с удивлением увидела, что она уже сидела за столиком на открытой террасе и листала меню. Подруга и вовремя никогда не приходила, не то что заранее.

Заметив меня, она улыбнулась и приветственно помахала рукой.

– Привет, дорогая! – Надя расцеловала меня в обе щеки и крепко обняла. – Это тебе, – сказала она, вручая мне небольшой подарочный пакет.

Стоило прикоснуться к пакету, как я остро почувствовала, что подарок никак не поможет мне разобраться в странных обстоятельствах, упорно проникающих в мою жизнь. А скорее наоборот. Я решила не торопиться открывать его.

– Надя, не холодно для обеда на открытой террасе? – меня удивил ее выбор, а прохладный ноябрьский ветер подсказывал, что внутри будет намного теплее.

– Да ну! Прекрасная погода – дождя нет, не так уж и холодно. Скоро зима, все эти чудесные террасы уберут, и когда мы следующий раз будем обедать на открытом воздухе?

– Ладно, давай останемся, – я сдалась, понимая, что подруга не настроена на обед в более комфортных условиях. – Выкладывай, как тебя занесло в Париж?

– Знаешь, это удивительная история, которая тебя наверняка поразит, ведь с тобой такого точно не случится! – загадочно начала Надя, но ее заговорщицкая улыбка давала понять, что это шутка.

Надя выдержала драматическую паузу, делая вид, что отвлеклась на изучение меню. Конечно, я должна была подыграть.

– И что же это за удивительная, невероятная история? – с сарказмом спросила я.

– Я проснулась утром и поняла, что мне просто ужасно хочется сегодня пообедать на открытой террасе в ресторане с красивым видом и обязательно шампанским! И это было такое странное чувство, как будто я умру прямо в обед, если не сделаю этого. Знаешь, мне стало так страшно! В какой-то момент волнение достигло своего пика. И стало понятно, что

ресторана в нашем сером и унылом городе будет недостаточно. Спасти меня от смерти прямо в обеденный полдень мог только Париж!

Мне казалось абсолютным бредом все, что я сейчас услышала, но Надя выглядела очень серьезной, от озорной улыбки не осталось и следа. Официант прервал рассказ своим появлением с кувшином воды, которую разлил по красивым бокалам. Надя заказала еду за нас обеих, и он ушел. Но подруга не спешила продолжать рассказ.

– Надя, и что дальше? – подталкивала я ее к продолжению, не обращая внимания на то, что она выбрала блюдо за меня.

– Оу, я думала, что дальше все понятно, – искренне удивилась Надя. – Я посмотрела, когда ближайший рейс в Париж, взяла паспорт и полетела. По дороге забронировала потрясающую квартиру в старом городе. А за обедом познакомилась с Жераром, мы гуляли по Парижу, пили шампанское, а потом занимались сексом всю ночь. Уверена, что Вселенной понравился мой выбор. Думаю, именно поэтому я не умерла.

На ее лице опять появилась эта улыбка шаловливого ребенка. В такие истории сложно поверить – ну кто так делает? Точно не я. Но фотографии были, видео было, так что доказательств предостаточно, и не остается ничего, кроме как поверить.

– Ты чего подарок не открываешь? – обиженно спросила Надя, подталкивая мне поближе пакет, который все еще стоял на столе.

Ей явно хотелось увидеть мою реакцию. Я взяла пакет и несколько секунд рассматривала его. Появилось волнение, сердце начало стучать чаще. С каждой секундой росла уверенность в том, что содержимое пакета будет еще одной составляющей уже вырисовывающейся длинной истории с цветами, дверью и Стамбулом. Надя отвлекла меня рассказом, и я чуть не забыла расспросить ее про загадочную поездку. К тому же можно будет еще некоторое время не вскрывать подарок.

– Ой, я совсем забыла, о чем хотела поговорить с тобой! Я поняла на днях, что совершенно ничего не слышала о твоей поездке в Стамбул. Не понимаю, как это могло произойти!

– В смысле ты ничего не слышала о моей поездке? – Надя сначала улыбнулась, но всего на мгновение, вдруг ее взгляд стал взволнованным и серьезным. – Милая, я приехала к тебе домой вечером, сразу как прилетела. Почти до самого утра я рассказывала тебе про поездку. Ты не помнишь?

Повисла длинная пауза, Надя пристально смотрела на меня в ожидании ответа. Но я не помнила ровно ничего об этой поездке. Ни того вечера, когда Надя приходила ко мне, ни одной ее истории.

– Не могу поверить, что ты ничего не помнишь, – видимо, она все поняла по моему молчанию. – Думаю, это стресс, надо больше спать и меньше работать. Молодой человек, – позвала Надя официанта, – принесите нам, пожалуйста, два бокала приличного шампанского.

Я молчала, не понимая, как из памяти мог исчезнуть такой огромный кусок событий. Надя отвлеклась на свой телефон, и у меня появилась возможность подумать в тишине. В этот момент официант принес два бокала шампанского. К своему удивлению, я взяла бокал и сделала глоток без попыток отказаться, хотя рабочий день еще в разгаре. Голова стала тяжелой от вороха навалившихся мыслей. Мой мозг представлялся сейчас узким черным платьем, которое начало слегка трещать по швам, так как его хозяйка набрала пару лишних килограммов. Все эти события были совершенно лишними в моей жизни. Я отпила еще глоток шампанского и решительно взяла в руки подарок из Парижа. В пакете оказалось что-то приятное на ощупь – настоящий шелк, ткань так приятно струилась сквозь пальцы. Я достала вещь, и это оказался шикарный шелковый халат очень красивой расцветки – на фоне цвета слоновой кости яркими изумрудными пятнами горели удивительной формы огромные цветы.

– Нравится? – Надя сгорала от любопытства. – Красивый, да?

– Да, очень, – без особого восторга сказала я, так как мозг еще был занят совсем иными мыслями.

– Я его сперла! – гордо заявила подруга со своей фирменной шаловливой улыбкой.

Я была ошарашена этим заявлением и замерла на секунду с халатом в руках. Надя выглядела очень довольной собой. Моя реакция не вызвала у нее ни грамма смущения – она спокойно сделала большой глоток шампанского и принялась за пасту с морепродуктами, которую только что принесли.

– В смысле, ты его сперла? – включился мой рациональный взрослый в разговор с Надиним шкодливым ребенком.

– В гардеробе милой старой французенки, у которой я снимала квартиру, такого добра навалом! Уверена, она даже не заметит пропажу! Я так хотела привезти тебе что-то особенное, и, когда увидела этот халат, он будто заговорил со мной: «Надя, возьми меня, я создан специально для Марины!» – она расхохоталась своим залиvistым детским смехом.

Было понятно, что подруга не даст мне адрес арендованной квартиры, и выслать назад халат я точно не смогу. Оставалось только смириться с этой выходкой и принять подарок. Надя очень сильно обижалась, если я хотя бы пыталась отказываться от ее подарков. Не то чтобы она постоянно дарила мне краденые вещи, просто часто ее презенты выходили далеко за границы моего обычного, нормального и дозволенного. Мне было сложно представить себя в экстравагантных нарядах, кружевном белье, ярких украшениях, которые дарила Надя. Поэтому я все это принимала и складывала в отдельную коробку в шкафу, чтобы не обижать подругу отказом.

– Спасибо, очень красивый. Но мне кажется, он больше подходит тебе, чем мне, – попробовала все же я отказаться от подарка.

– Не говори глупостей! Это вместо твоей примитивной черной тряпки, которую ты называешь халатом. Носи и не выпендривайся! – Надя была непримирима.

С чувством полной безысходности я положила халат обратно в пакет и спрятала его в сумку, думая о том, что скоро понадобится коробка побольше для таких подарков. Остаток обеда Надя безудержно болтала о Париже, а я молча слушала ее и наполнялась ее энергией. Незаметно для самой себя я выпила бокал шампанского без споров с подругой и самой собой, о чем подумала, когда он уже закончился. Чувство легкости и веселья оказалось прямо на дне бокала.

– Я сейчас прямо как та самая дама из твоего рассказа – сижу в обед на открытой террасе и не спеша пью шампанское, – решила поделиться я с Надей своими мыслями.

– И как тебе?

– Не буду скрывать – приятно, – улыбнулась я.

– Ну вот, а ты говорила, что никто так не делает, – улыбнулась Надя в ответ. – Пойдешь со мной в клуб сегодня? – неожиданно спросила она.

– В какой клуб, ночной, что ли? – рассмеялась я.

– Ну да, а что такого?

– Надя, нам по тридцать, у меня двое детей. Какие клубы, ты чего?

– Не знаю, мне всего восемнадцать, – Надя расхохоталась так громко, что на нас обернулись все обедающие на террасе. – Это не то, что ты себе представляешь, скорее закрытая, очень гламурная ночная вечеринка. Там будет один важный человек, мне полезно с ним познакомиться для работы. И повеселиться всегда полезно, тем более сегодня пятница!

– Извини, я не могу, Гриша сегодня вечером уезжает на рыбалку, вернется только в воскресенье. А детей оставить не с кем, – пояснила я.

– Как же скучно ты живешь! – с долей скорби в голосе дала оценку моей жизни подруга и заказала себе еще бокал шампанского.

Мне пора было возвращаться на работу. Я попрощалась, поблагодарила за экстравагантный подарок и поспешила в магазин за мятной жвачкой. Пить в обед шампанское, безусловно,

приятно, но может быть рискованно для карьеры. То ли я неплохо подзарядилась от подружки, то ли во мне еще плескались капли безудержного веселья от бокала шампанского, но после обеда мне удалось отвлечься от всех этих странных мыслей и ударно поработать.

После работы я забрала детей, и, пока они весело щебетали о чем-то своем на заднем сиденье, задумалась. В памяти начали всплывать обрывки моего сна. Маленькая счастливая художница, протягивающая мне свою кисть. Ее лицо, скорее глаза казались такими знакомыми. Почему она была в спальне бабушки? Вдруг в голове появилась картинка из прошлого: я, такая же маленькая, как девочка из моей шкатулки, рисую на мольберте у бабушки в комнате. Резкая боль пронзила грудную клетку, что-то там внутри сжалось так сильно, что у меня перехватило дыхание. Я пронзительно вскрикнула, чем испугала детей.

– Мапочка! – закричала Оля. – Мама, ты в порядке?!

– Мама, мама, – подхватил Рома и начал трясти меня за плечо.

Я начала тормозить и свернула на обочину. Дети не на шутку взволновались, Оля начала плакать. Воздуха не хватало, при каждом вдохе боль в груди становилась невыносимой. Я отпустила руль, откинулась на сиденье и попыталась выровнять дыхание. Раз, два, три, четыре – считала я про себя, стараясь сделать вдох поглубже. Через минуту мне удалось наконец расправить легкие и нормально вдохнуть.

– Все в порядке, – я с трудом улыбнулась детям. – Не плачь, милая, просто кольнуло что-то.

– Мама, ты точно в порядке? – спросила дочь, вытирая слезы.

– Да, Олечка, все нормально, – соврала я, сама не понимая, что произошло.

– Мама, ты можешь вести машину? – серьезно поинтересовался сын.

– Дети, прекратите панику, – сурово сказала я, пытаюсь привести их в чувства, – со мной все в порядке, просто колика небольшая.

Детям не оставалось ничего, как поверить мне. Они притихли и остаток пути не сводили с меня своих обеспокоенных взглядов. Тишина была мне сейчас необходима, чтобы обдумать уже новую мысль, кажущуюся просто дикой и невозможной. Неужели девочка из моей шкатулки – это я? Но я совершенно не помню, чтобы я в детстве в принципе рисовала. Даже абсолютно уверенно могу сказать, что я вообще не рисовала. В доме родителей не было ни одного моего рисунка. Обычно родители маниакально завешивают все стены детскими рисунками, но не мои, потому что моих рисунков не существовало. Это может показаться странным, ведь все дети рисуют, но не я. Краскам и кистям я предпочитала мозаики и конструкторы, которые собирала без конца. И это я помню прекрасно. Был лишь один способ убедиться в истинности моих воспоминаний. Я набрала номер мамы.

– Мама, привет. Мы завтра заедем с детьми к вам на обед, ок?

– Привет, Марина. А что случилось? – что-то заподозрив, спросила мама.

– Ничего, просто хочу поболтать, – соврала я.

– О чем-то конкретном, видимо? – продолжила допрос мать.

– Просто поболтать, – продолжила и я гнуть свою линию, – все, пока, завтра в два будем у вас.

– Ладно, пока, – сдалась мама, понимая, что дальнейшие расспросы бессмысленны.

Как же хотелось, чтобы мама подтвердила мои воспоминания и версию событий из детства. Но с учетом всего произошедшего за последние дни глупо было ждать простых, понятных и проливающих свет на все загадки ответов.

– Мы поедем к бабушке завтра? – взволнованно спросила Оля.

– Да, милая, поедем на обед.

– Ура! – воскликнули радостно дети, вмиг забыв о моей напугавшей их колике.

Вечером я осталась снова одна на кухне наедине со своими мыслями. После ужина дети отправились играть в свою комнату, а Гриша уехал на рыбалку. От чая с ромашкой шел при-

ятный успокаивающий аромат. Я прокрутила в голове все события последних двух дней – Стамбул, кофейня, резная дверь, маленькая художница в шкатулке, цветы, Париж. Вспомнила и про подарочный пакет с халатом, который остался на кровати в спальне. Дома я носила простой трикотажный черный халат до колена и совершенно не могла представить себя в чем-то настолько изящном, как то, что лежало в пакете.

Я отправилась в спальню. После нескольких минут борьбы с сомнениями сняла свой практичный халат и накинула на плечи французское очарование. Ощущение было потрясающее, я никогда не носила ни шелкового белья, ни одежды из шелка. Как же приятно ткань ласкала кожу. Я посмотрела на свое отражение в большом напольном зеркале в углу комнаты. В нем была совсем не та замухрышка в трикотажной невзрачной тряпке. На меня смотрела шикарная женщина с тонким вкусом и любовью к жизни. В таких халатах не жарят котлеты, не лепят пельмени и не моют полы. Зря Надя украла его. Он должен жить в Париже. Ведь в таких халатах надо читать книги на балконе, пить шампанское в обед и прикрывать им прозрачное эротичное белье. Ему совсем не место в моей квартире, он точно заслужил лучшую жизнь и хозяйку, чем я.

Я рассматривала себя и думала про ту жизнь, которой у меня никогда не будет. Подойдя ближе к зеркалу, я стала разглядывать узоры на халате, которые показались мне странными. Сердце заколотилось, я резко сорвала с себя халат и бросила на кровать. Цветы с мольберта маленькой художницы и резной двери в кофейне. Но на халате они были не в уже привычном алом, а в изумрудном цвете, и неестественно большого размера.

Глава 4.

Шепот в ночи

Мыслей было так много, что я чувствовала, как болит мозг. Не голова, а именно мозги – казалось, будто каждые пять секунд кто-то засовывает туда раскаленную иглу. Захотелось немедленно уйти подальше от этого халата, выбросить все мысли из головы и просто пройти по свежему воздуху. Я заглянула в детскую, где Рома с Олей собирали конструктор. Предупредив их, что иду в магазин, а Рома остается за главного, я быстро натянула серый спортивный костюм и вышла из дома. Дети будут спокойно играть минимум час, пока не повздорят из-за какой-нибудь ерунды. Но все же долгую прогулку я себе позволить не могла, максимум сходить в магазин.

В магазине я слегка растерялась, потому что точной цели посещения у меня не было. Единственное, что всегда надо было купить, даже если ходить в магазин по три раза в день, – это пиво, поэтому я направилась к стеллажам с алкоголем. Закинув в корзину четыре банки первого попавшегося импортного пива, я устремилась к кассе. И только когда начала выкладывать на ленту содержимое корзины, с удивлением заметила бутылку шампанского. Не было никаких воспоминаний о том, как я положила ее в корзину. Взглянув на часы, я поняла, что на этот раз провал в памяти был минут на пять. Видимо, мое подсознание отключает память в те моменты, когда надо выбрать то, что я обычно себе не разрешаю. Пить в одиночку совсем не в моих правилах, но, пожалуй, сегодня я могу себе это позволить. Ромашковый чай доказал свою полную бесполезность в борьбе с провалами в памяти, попытками понять необъяснимые совпадения и странные события настоящего и прошлого. Так что сегодня можно дать шанс шампанскому помочь мне сохранить остатки разума.

Когда я вернулась, дети все так же мирно играли в конструктор. Предупредив их, что отбой через двадцать минут, я пошла в спальню переодеваться. Надела свой привычный черный халат и посмотрела в зеркало: ничего особенного – обычная женщина, нестрашная, но и не красавица, чудом сумевшая сохранить после рождения двух детей вполне приличную фигуру. Подумала о шампанском, и показалось совершенно естественным надеть красивый французский халат, лежащий на кровати. Но он пугал меня своими цветами, которых точно не существует. Очевидно, что все странные предметы и события двух дней связаны таинственным образом. Украденный халат был классифицирован мной как улика в этом загадочном деле, поэтому эксплуатации не подлежал. Я спрятала пакет с халатом в шкаф подальше, чтобы Гриша не нашел его и не начал задавать лишние вопросы, ответов на которые у меня не было даже для самой себя.

Я положила шампанское в морозилку и пошла укладывать детей спать. Они всегда перешептывались, после того как я выключала свет в их комнате, смеялись тихонько, чтобы я не услышала, и обсуждали свои детские секреты. Это было очень мило, и я знала, что больше чем на полчаса их не хватит – сон возьмет свое. Поэтому я никогда не требовала от них полной тишины и немедленного засыпания с выключением света.

Какое-то время я прислушивалась к тому, что происходило в детской, и, когда шепот прекратился через традиционные полчаса, в доме стало абсолютно тихо. Я достала из морозилки обжигающе ледяную бутылку и постаралась беззвучно открыть ее. Есть у меня это странное, бесполезное для меня умение – открывать шампанское как в ресторанах, с тихим характерным хлопком и без излияния пены на все вокруг. Однажды в отпуске мы с Гришей ходили на завод шампанских вин, где сомелье показал, как правильно открывать шампанское. В тот же вечер я смогла повторить это именно так, как продемонстрировал мастер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.